

ПРЕДСТАВЛЯТЬ читателю Льва Разгона нет необходимости. Цикл рассказов «Непридуманное» поставил их автора в ряд с лучшими писателями-мемуаристами с горькой и трудной судьбой: Варламом Шаламовым, Евгенией Гинзбург, Надеждой Мандельштам, Олегом Волковым. Есть какая-то закономерность в том, что всех этих авторов печатал журнал «Юность». Отсюда естествен, на мой взгляд, и первый вопрос собеседнику.

— Лев Эммануилович, публикация «Непридуманного» в «Юности» — случайность или желание автора, чтобы его воспоминания прочла молодежь?

— В том, что публикация появилась в журнале «Юность», никакой моей заслуги нет. Это — инициатива журнала. Скажу больше, ведь «Непридуманное» писалось не для публикации — я был совершенно уверен: никогда в жизни напечатанным это не увижу. Я писал свои рассказы на протяжении многих лет, время от времени движимый не столько желанием увидеть книгу моих автобиографических повестей и рассказов, сколько внутренним долгом, понимая: что могу рассказать я, никто за меня этого сделать не сможет. И пусть не я, но мои близкие, потомки, потомки моих друзей когда-нибудь это прочтут. И я писал с ощущением некоего счастья, как это ни странно. Некоторые меня спрашивают: как же так, опять ворошить все в своей душе? А я отвечаю: никогда за всю мою долгую литературную жизнь не испытывал я такого счастья. Это писал свободный человек, без оглядки на возможность публикации, на редактора — не только внешнего, но и внутреннего. Еще раз скажу вам: какое это великое счастье — писать даже о самом страшном свободной!

Публикация книги была для меня совершенно неожиданной. Я иногда читал моим друзьям какие-то отрывки, и однажды мой старинный друг Михаил Шatrov взял и, ничего не говоря, отнес мой рассказ «Жена президента» в «Огонек». После этого ко мне пришел другой мой друг — Кирилл Ковальджи, работающий в «Юности», взял рукопись, а через два дня мне позвонили из журнала и попросили прийти и начать работать над ней. И точно так же, как в сказке, у меня дома возникла молодая женщина из издательства «Книга», и ровно через год я уже держал свою книгу в руках.

— Много писем получили вы от читателей?

— Почта огромная, буквально мешки писем из «Юности», из «Огонька», из издательства. Это, конечно, разные письма, но многие из них содержат отчаянный вопрос, составляющий сейчас главный предмет моей деятельности как члена общественного совета неформальной организации «Мемориал». Так вот этот вопрос: куда девались наши близкие? Люди не представляют той странной, единственной в мире империи, которую Солженицын навсегда назвал «Архипелаг ГУЛАГ». Я получаю, к примеру, письмо: «Вы упоминаете Устьимлаг. Я знаю, мой отец был там, а потом перестал писать. Может быть, вы встречали его...». Мне приходится отвечать: «Милые мои, Устьимлаг — это 24 лагерных пункта, раскиданных друг от друга на сотни километров, и в каждом таком лагунке — тысячи людей. Эти тысячи не живут стабильно, потому что... Потому что, например, наш московский

ТАКАЯ СУДЬБА

этап, который осенью 38-го года прибыл на 1-й лагпункт Устьимлага, насчитывал 517 человек. Весной 39-го в нем оказалось только 22 — остальные в первую же зиму погибли. Поэтому говорить о возможности встреч почти не приходится».

И тем не менее чудеса встреч были. Ну, например, я получил письмо с Украины от дочери одного из героев гражданской войны, героя штурмовых ночей Спасска и волочаевских дней Якова Покуса, комкора. Она пишет: как ей сообщили, ее отец умер в 1940 году в Устьимлаге. Не знаю ли я что-нибудь о нем? Я ответил ей: «Ваш отец умер не в 40-м году, как вам солгали, как лгали тысячам родственникам, а весной 43-го, я сам его хоронил. У нас было хорошее начальство — разрешило похоронить его по-человечески: в той одежде, в которой он был арестован, в нормальном гробу...». Но такие случаи, встречи, повторяю, были редчайшими.

— Что все-таки помогало выжить там?

— Человек остается живым в лагере... Это так же трудно объяснить, как, например, солдат вам бы попытаться объяснить, почему он не был убит, а его товарищ, бежавший в атаке рядом, погиб. Это — стечение множества обстоятельств, случайностей, везения, чего угодно, только не здоровья. Скажу больше: в лагере погибали прежде всего самые здоровые люди, крестьяне, привыкшие к физическому труду. Они становились жертвами большой пайки. Я поясню это. Человек, выходящий утром на работу, получает 400 граммов хлеба и миску баланды. Если он выполняет норму, то получает еще 600 граммов хлеба и снова миску баланды. А вместо второго блюда — еще 200 граммов. Перевыполнивший норму получает еще и так называемое премиальное блюдо, то есть еще 200 граммов хлеба. Основную массу в лагере составляли не урки или политические, как считают многие, а рабочие и крестьяне, мужики. Так вот, они, придя из голодных деревень, старались работать хорошо, но оставались голодными и погибали от алиментарной дистрофии, то есть от голода, через 2—3 месяца. Расход энергии не покрывался. На общих работах выжить было невозможно. Выжили только те, кто умел что-то делать. Вот Иван Денисович, помните, умел класть кирпич...

— Некоторое время назад в «Огоньке»

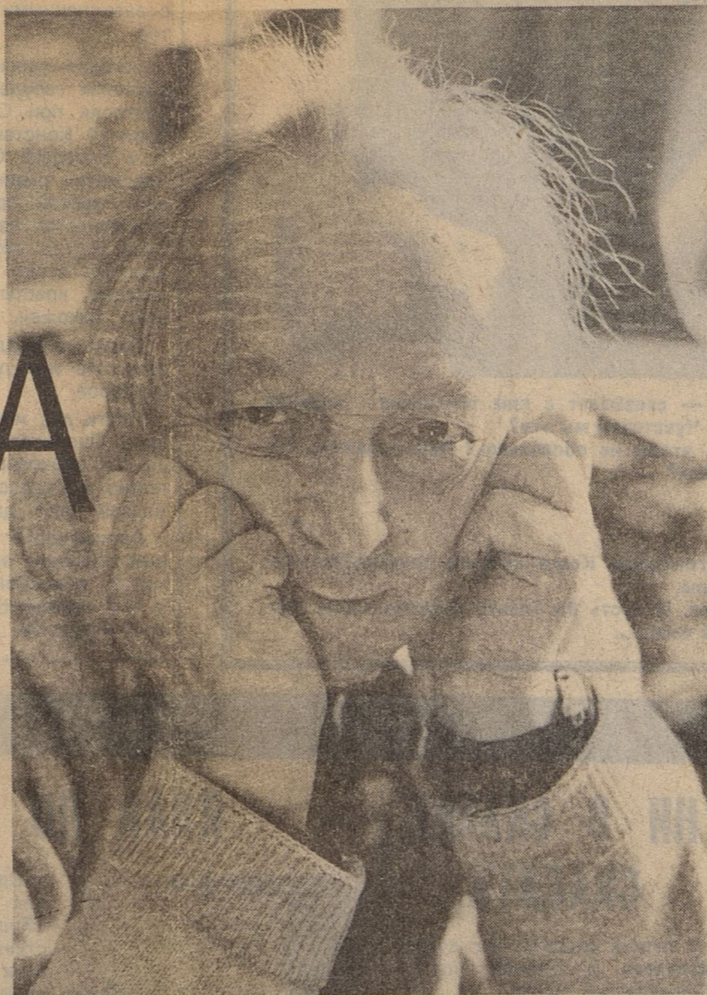
Писатель
Лев РАЗГОН:
«Мы от крика оглохли»

появился материал о Борисе Дьякове, авторе «Повести о пережитом». Приведено, в частности, его заявление в органы, в котором он с какой-то истерической добровольностью признавался в доносах. А совсем недавно он же делился с телезрителями своими творческими планами. Что вы думаете об этом?

— По-моему, Борис Дьяков не представляет собой личности, о которой стоило бы много говорить. Только что опубликовано письмо Твардовского Федину в связи с Солженицыным, в котором он пишет, что напрасно Константин Александрович приписывает успех Солженицына материалу, теме. Ведь гораздо раньше появились воспоминания Дьякова, а кто их помнит? Никто. И действительно, их забыли потому, что в них отражена ничтожная личность, придуривавшаяся лепилом в лагерьной поликлинике. Пробыл он в лагере недолго, но нравственные качества стали понятны после публикации в «Огоньке». Надо сказать, что лагерь не делает человека ни хуже, ни лучше... Если человек сукин сын, он и там им остается. Я не согласен с Шаламовым, утверждавшим, что неволя действует на человека только отрицательно. Если бы это было так, у нас не было бы Достоевского, немислимого без «Записок из мертвого дома».

— Сейчас общественность обратила внимание на наши места заключения, требуют доступа к ним, контроля, освещения их работы в печати. Вас эта проблема затрагивает?

— Безусловно. На мой взгляд, нынешние тюрьмы, лагеря, колонии ничем не отличаются от сталинских, а может быть, в

чем-то даже и хуже. Я сужу об этом по многим письмам оттуда, сталкиваясь с людьми, которые туда ездят хотя бы в качестве посетителя. И я с отчаянием вижу, что наши тюрьмы — не места исправления, а места воспитания преступников. Все начинается с того, что там раздвигают самое ценное в человеке — чувство собственного достоинства. А когда это раздавили, вытравили, человек перестает быть человеком. Горько сознавать, что чиновники, от которых все это зависит, не понимают этого. А многие читатели в письмах ко мне считают, что так и надо — преступников раздвигать. Да что говорить о простых читателях, если в «Советской культуре» Станислав Говорухин, интеллигентный человек, с каким-то нечеловеческим ожесточением требовал ужесточить содержание преступников. Если такова позиция известного деятеля искусства, то что мы хотим от простых людей?

Я считаю также глубоко безнравственным то, что охрана заключенных поручается молодым ребятам из войск МВД. Ни в одной цивилизованной стране срочные служащие молодые люди не охраняют преступников. Это делают профессионалы, которым платят деньги, и немалые. Конечно, проще взять 18-летнего мальчика, которому платят 9 рублей в месяц, и поставить на вышку, не думая, каким он станет через два года. Наши военные или другие ведомства, которые этим занимаются, совершают преступление перед народом, пропуская сотни тысяч ребят через это, как они же пропустили их через Афганистан. Я считаю, нужно безотлагательно принять закон, запрещающий использо-

вать срочных служащих в охране заключенных.

— **ЛЕВ ЭММАНУИЛОВИЧ, над чем вы сейчас работаете?**

— Чисто литературными делами занимаюсь мало. Я написал еще несколько рассказов, часть из них (три) будет, вероятно, напечатана в 4-м номере «Юности». Но сказать, что я продолжаю расширять старый цикл, не могу. Мое главное внимание занимает сейчас общественная деятельность.

— **Это дела «Мемориала»?**

— Не только. Речь идет о том, что можно и нужно сделать, чтобы снять напряжение, в котором находится наше общество. Я имею в виду не экономическое, а нравственное напряжение: озлобленность, раздражение, которые проявляются во всех сферах жизни, в самых разных пластах общества.

Меня, всю жизнь занимавшегося детской литературой, детьми, очень волнуют эти проявления у детей. Я полагаю, мы являемся свидетелями необыкновенной суеверности, которая называется перестройкой нашего образования. Как и многие другие телезрители, я с интересом смотрю телефильмы о других странах. Вот, не так давно показали фильм о Голландии. У меня чуть не брызнули слезы зависти, досады, горечи — не когда показывали прилавки магазинов — это огромное изобилие продуктов, вещей, товаров. Нет. А когда я увидел школу, детей. Я увидел свободных ребят, детей, которые воспитываются в состоянии свободы. Это, на мой взгляд, главнейшее достижение западной цивилизации. И самым жестоким ударом по нашему народу, по нашей нравственности является то, что на протяжении десятиков и десятков лет наши дети воспитываются несвободными. Они и вырастают несвободными людьми, и поэтому живут в несвободном обществе. И ничего не делают, чтобы общество стало свободным. Я говорю это совершенно ответственно. Скажу больше, школа 20-х годов была намного свободнее нынешней. Учителями тогда были высокообразованные люди, преподаватели гимназий — других еще не было. Казалось бы, они должны были привнести в советскую трудовую школу что-то чуждое, царское. Прочтите Гарина-Михайловского, воспоминания нашего прекрасного современника Вениамина Каверина о старой гимназии, и вы поймете, что в той старой гимназии, где работали педагоги, где существовали всяческие запреты, было и чувство уважения учителей к воспитанникам, и, следовательно, воспитанников к учителям. Там все-таки начинала с 3-го класса к ученикам обращаться: «Господа». И им говорили: «Вы». А в нашей школе, во всей воспитательной системе, начиная с детского сада, ребенок попадает в обстановку несвободы, им командуют, он перестает быть субъектом, а становится только объектом. Как горько сказал об этом когда-то Борис Житков, педагог рассматривает ученика, как столяр доску: что бы еще сострогать? И когда я читаю материалы наших педагогических конференций, съездов, я не вижу стремления перестроить отношения между воспитателем и воспитуемым. А это — главное.

— **Много семей и одиночек уезжают из Союза. Связывает ли вы отъезды с процессами, происходящими в стране?**

— Я не думаю, чтобы отъезд носил какой-то всеобщий характер. Он носит со-

вершенно четкий или национальный характер, или связан с невозможностью использовать свой талант, способности. Уезжают, например, немцы — по понятным соображениям. Покидают страну армяне и евреи — у них силен страх перед тем, что было или, по их мнению, может повториться. Уезжают музыканты, чьи способности здесь либо вовсе не использовались, либо варварски эксплуатировались. Уезжают танцовщики — по тем же самым причинам; молодые ученые. Ученому, который не может реализовать себя, потому что у него в лаборатории оборудованное каменного века, надо помочь поехать туда, где он сможет работать по-настоящему. Надо помочь уехать, но с возможностью вернуться. Безвозвратный отъезд безнравствен и негражданствен. Не надо относиться с ужасом к тем, кто уезжает. Да, существует утечка умов, но давайте создадим условия для уезжающих здесь, чтобы они не уезжали, а уехавшие — вернулись.

— **Как складывается ваш день?**

— Я читаю очень мало, потому что нет времени! Кто из нас раньше читал газеты? Никто, то есть их чтение занимало 5 минут. А сейчас я выписываю уйму газет и все их перечитываю, одни с большим интересом, другие — с меньшим. Читаю также массу журналов. Но что я в них читаю? Признаюсь: публицистику и мемуары. Думаю, я не являюсь исключением. И не потому, что у нас нет прозы, которая не заслуживала бы внимания, а потому, что есть страстное желание знать не придуманное, а действительное. В этом сказывается огромное желание знать правду в ее словарном обозначении и самому решать и делать выводы. Помните, наверное, строчку Твардовского: «...над ухом только не дышите». Я думаю, у каждого из нас есть это требование: не дышите над ухом, тем более что десятилетиями в это ухо кричали, и мы от этого крика оглохли.

Теперь я хочу несколько слов сказать о нынешней молодежи — ответить на вопрос, который вы бы мне все равно задали. Я не разделяю мнения тех, кто относится к ней пренебрежительно, считает ее порочной, неспособной к активной деятельности. Если мы и можем на что-нибудь и на кого-нибудь надеяться, то это — молодежь. Ведь всей организационной работой по созданию общества «Мемориал» занимались не мы, старики, а — молодые. Они не желают сталинизма в любых его проявлениях. Сейчас молодежь сдает свои главные экзамены. Я думаю, главным испытанием ее политической сознательности, ее стремления самим построить свою жизнь будут выборы в Советы. По существу, это будет сражение между силами командно-административной системы, которая делает все возможное для того, чтобы хоть самую малость закрепиться и удержаться, и молодежью, которая хочет другой жизни, достойной, в которой не будет надзирателей и надсмотрщиков и необходимости подчинять им свои знания, волю, талант. И, кроме того, эти выборы будут означать для нашей молодежи возможность политического и духовного самовыражения. И я, будучи оптимистом, ибо, не будь я оптимистом, мы бы с вами сегодня не беседовали, верю, что этот главный экзамен для всего нашего общества молодежь выдержит.

Беседу вел
Владимир НУЗОВ.